

...И НА ТЕЛЕЭКРАНЕ

КОНСТАНТИН РАЙКИН: «ИСКУССТВО НУЖНО, ЧТОБЫ НЕ УМЕРЕТЬ ОТ ПРАВДЫ»

Эльга Линдина: Константин Аркадьевич, а ведь удивительно, что у вас, в общем, немного ролей в кино?

Константин Райкин: Да, я бы сказал, мало.

Э.Л.: Поначалу, после Щукинского училища вы активно снимались: «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Труффальдино из Бергамо», Бенедикт в экранизации шекспировской комедии «Мно-го шума из ничего». Потом пауза...

К.Р.: Последняя пауза длилась 12 лет.

Э.Л.: Почему же?

К.Р.: Как актер, я никогда особенно не интересовался кинематографом. Первые десять лет, окончив институт, работал в «Современнике», много играл, но все же иногда снимался. Во-вторых, тогда мне было сложно в кино, потому что мои внешние данные никак не подходили под существовавшие в эти годы стандарты, и постоянно возникали проблемы с моим утверждением на роль. Было несколько таких случаев. Я был серьезно увлечен предложением режиссера Никиты Хубова. На меня был написан сценарий о Денисе Давыдове, с которым у меня действительно есть внешнее сходство. Меня очень интересовала эта фигура, необычная личность поэта-гусара, вольнолюбца, партизана. Были замечательные фото-пробы. Но как только Хубов начинал со мной работать, фильм тут же отодвигали куда-то на второй план, начинали закрывать. Нам не дали дойти даже до кинопроб. Обо всем этом я предупредил Хубова, когда он приглашал меня на роль. После всех неурядиц, организованных руководством кинематографа, я сказал Никите: «У меня куча ролей в театре, не смущайся, бери другого артиста».

Э.Л.: Вы страдали в подобных ситуациях?

К.Р.: Признаться, не очень. Было много работы в театре, там мне в тысячу раз интереснее...

Э.Л.: В каком плане?

К.Р.: В актерском. В кино ты делаешь то, что уже умеешь. А в театре имеешь возможность пробовать то, что не умеешь, искать, экспериментировать. Театр — это актерский вид искусства.

Э.Л.: А кино?

К.Р.: Техника. В некотором смысле, искусство обмана. Я не хочу сказать, что кино ниже театра, ни в коем случае. Просто уже с точки зрения актера мне жаль тех артистов, которые не имеют возможности играть на сцене. На мой взгляд, киноартист влачит жалкое, зависимое существование от фильма к фильму: возмут тебя или не возмут? В кино артист бесхозный. Театральный актер приходит в кино легко, без затруднений. А вот киноартисту сложнее на сцене, он по-другому обучен, не имеет постоянного тренинга.

Э.Л.: Полагаете, что в кино артист использует лишь накопленное в театре, ничего не приобретая творчески?

К.Р.: Не совсем так. Есть замечательные кинорежиссеры, работая с которыми, актер проходит прекрасную школу. Но актер в кинематографе — не главное выражение существа этой музы. В театре же актер — самое сильное выразительное средство, проводник, носитель мысли, контактирующий напрямую с залом. В кино актер по значимости своей может быть поставлен на один уровень с пейзажем, интерьером, какой-то деталью. Кроме того, экран, на мой взгляд, не может передать нервную, пульсирующую человеческую энергию.

Э.Л.: То есть экранное полотно — рубеж в этом смысле?

К.Р.: Конечно. Можно ли сравнивать его с живым, непосредственным общением со зрителем? Понять об артисте, что он есть на самом деле, можно только в театре. В кино ритмы его существования решает монтаж. В театре — конечно же, актер. Я не отрицаю роли артиста в кино, самой важности его участия в картине — но не столь принципиальной для всего произведения, как в театре. В кино может сниматься и непрофессионал. Играть на сцене — нет!

Э.Л.: Някрошюс, однако, занял роле- певца в классической роли Гамлета. Сергей Виноградов пригласил гимнастку Хоркину в свой спектакль.

К.Р.: Гамлета у Някрошюса я не видел. Потом играет все-таки певец, то есть человек сцены, да еще в руках Някрошюса. Спектакль Виноградова не видел тоже. Но, по моему глубокому убеждению, не-

профессиональный артист не может ра- ботать в театре, в таком, каким мне пред- ставляется настоящий театр.

В кино судьбу артиста, меру его учас- тия в фильме, в конце концов, решает ре- жиссер, сидя в монтажной: здесь что-то вырежет, чем-то другим дополнит. А еще и озвучивание. В театре ты выходишь на сцену перед зрителем, и партитура тво- их эмоций и есть партитура спектакля. Это замечательная мера актерской от- ветственности. И еще из моего киноопы- та: сегодня я на съемке сказал «а», а че- рез полгода говорю «б». Режиссер все это соединяет, связывает. То есть актер- ское дело оказывается растворено в дру- гих профессиональных обстоятельствах.

Э.Л.: Видимо, вас, театрального ар- тиста, вообще раздражает сама система съемок, отсутствие хронологической последовательности в работе над ролью?

К.Р.: Да. Хорошо еще, если разрыв между последовательным развитием со- бытий в картине на съемочной площадке оказывается длиной в неделю. А если больше, как это нередко бывает? Как най- ти себя? Опять-таки, я должен пользо- ваться тем, что умею.

Э.Л.: Неужели кино никогда не дава- ло вам новых импульсов, обретений, посылов?

К.Р.: Я же говорю: в кино делал то, что уже делал умел. Хотя от рабочих встреч с кинематографистами я сохраняю очень славные воспоминания. Они привносят массу впечатлений в актерскую жизнь.

Рабочий момент съемок

Мне, например, довелось сниматься у Никиты Михалкова, замечательного, та- лантливого мастера, чьи картины я обо- жаю. Но, Боже мой, сколько раз я отка- зывался от ролей в кино! Например, у Алексея Германа от главной роли в его новом фильме «Трудно быть богом». Я даже не прочел сценария, зная, что не могу оставить театр на столь долгий срок. Это мой выбор: мог ли я решиться сни- маться у «отца русской пролонгации», при всем его выдающемся таланте? Как тогда мой театр?

Э.Л.: И не жаль, что ушла от вас такая роль, такой режиссер?

К.Р.: Почему же не жаль? Жалко. Но мне некогда отдаваться даже чувству со- жаления. Я поблагодарил Алексея Юрье- вича за его лестное предложение. Он не понял моего отказа и, кажется, обидел- ся. Герман похож на большого ребенка. И в качестве ребенка считает, что я должен был все бросить. Нет! Не должен. Я тоже как ребенок. И один ребенок должен по- нять другого. Понять, что у меня есть иг- рушка, не менее мною любимая, чем лю- бимое кино.

Э.Л.: Вместе с тем вы согласились сниматься у Сергея Урсуляка в главной роли в 5-серийной телевизионной кар- тине...

К.Р.: Да, согласился по многим при- чинам. Во-первых, Сережа работал в на- шем театре до того, как стать режиссе- ром. Во-вторых, он абсолютно театраль- ный человек, близкий мне по вкусам.

Э.Л.: Вы ведь уже снимались у него в «Русском регтайме»?

К.Р.: Это всего один или два съемоч- ных дня. Фильм мне нравится, а собой я там недоволен. На этот раз еще одна из причин — моя любовь к Агате Кристи, по которой снимался сериал. Мне была ин- тересна роль, которую Сергей предло- жил. Эркуль Пуаро — это мое, подумал я.

Я могу это сделать, и могу сделать до- статочное своеобразно. Наконец, Урсуляк знал мою занятость в театре, он букваль- но лег костыми и сделал такое расписа- ние съемок, чтобы дать мне возможность сниматься без ущерба для театра.

Э.Л.: У вас там огромная, сквозная роль?

К.Р.: Вот Урсуляку и пришлось сделать двойное сальто, чтобы мы могли рабо- тать.

Э.Л.: Не было ощущения, что вы рис- куете? Наши зрители знают экранизации Кристи с Дэвидом Суше в роли Пуаро, видели они и Питера Устинова — Пуаро.

К.Р.: И тоже, разумеется, видел этих актеров. Они великолепны. Но меня это совсем не смущало. Все мы очень разные. С одной стороны, образ Пуаро очень определен. С другой — дает воз- можность и право на вариации. Урсуляк сказал мне: «Надо сыграть жестко и экс- центрично. Пусть он будет смешным, за- бавным». Мне это понравилось. Понача- лу я очень боялся, потому что давно не снимался, ведь работа на съемочной пло- щадке — это и навык. Мучился, не мог сра- зу осилить текст, а зная его надо было блестяще. Пуаро говорит гладко, изыс- канно, немного витийствует.

Э.Л.: Этикие завитушки все время...

К.Р.: Да. Но, слава Богу, Сергей дал мне отдохнуть в отпуске около двух не- дель. Я уехал в Соединенные Штаты, в Северную Каролину. Там, что называется, ни разу не появился на людях. Дом, где

я жил, стоял в лесу. Там я учил роль, эти гигантские монологи, что меня и спасло. Со мной снимались прекрасные артисты, к тому же очень умелые по части кино, про- сто звезды. Они, даже если не очень твер- до знают текст, умеют это скрыть. А у меня такое вполне театральное — ритуальное — отношение к тексту: не люблю не точно знать роль, говорить своими словами, тем более, играя Пуаро...

Мы искали внешнюю характерность в облике героя. Пуаро старше меня, толще. Вообще очень другой. Такой салонный, рафинированный денди, чего во мне нет совершенно. К тому же я ощущаю себя моложе своих лет. Урсуляк приходил ко мне в театр, мы репетировали. Мне при- носили в театр костюмы, какие-то тол- щинки, трости. Искли характерность и во внешнем облике. К началу съемок я знал, как мой Пуаро ходит, смотрит, раз- говаривает.

Э.Л.: Дэвид Суше работает на миниму- ме, утвердив определенный круг внешней выразительности. Вы, насколько я знаю вас по театру и кино, актер иного плана.

К.Р.: Да, Суше выбрал минимум. Мне нравится он, его интересная и глубокая индивидуальность. Мне же, как я уже вспо- минал, рассказывая о позиции режиссе- ра, надо было быть экстравагантным, иногда просто смешным. Ведь у Агаты Кристи много юмора. Не откровенного хо- хота, а мягкого юмора, с мягкой улыбкой.

Э.Л.: Кристи все время как бы дистан- цируется от Пуаро.

К.Р.: Да, она наблюдает за ним. Она его любит. Она как бы смакует его исключи- тельный интеллект. Одновременно не надо забывать, что Пуаро — очень добрый чело- век. Это был существенный момент в трак- товке Урсуляка. Пуаро умеет расположить к себе людей своей непритворной искрен- ностью, недаром многие плачутся ему в жилетку. Но мне кажется, главное в нем —

гений детектива-интеллектуала. Он вы- числяет, открывает суть преступления, практически сидя за столом.

Э.Л.: Работой любимых им «серых клеточек»?

К.Р.: Конечно! Это блистательная игра ума, вот что замечательно. Парадоксаль- ная и вместе с тем безупречная логика. При этом Пуаро сохранил непосред- ственность ребенка, даже какую-то наив- ность. Если же вернуться к работе Дэви- де Суше, то я не поверял себя ею. Не го- ворил: «А вот бы сыграть не так, как он!» Эта роль дает возможность проявиться данности самого актера.

Э.Л.: Очень убедительно объяснили, что привело вас на съемочную площадку картины «Неудача Пуаро». Но — гипоте- тически! — неужели нет еще каких-то ро- лей, которые вам хотелось бы сыграть?

К.Р.: Нет. Я не мечтатель. Я абсолют- ный практик. Хочу — и делаю. Поэтому, если бы я хотел сниматься в кино, я бы снимался. Причем я не заблуждаюсь на этот счет. Я совершенно реально — на- сколько это позволяет Господь Бог — дер- жу в руках свою судьбу и надеюсь продол- жать держать ее. Нет, я никогда не меч- таю: а вот хорошо бы мне... Если «хоро- шо бы» — значит, я делаю.

Э.Л.: И всегда получается?

К.Р.: Я не могу до конца судить об этом. Но я иду по своей дороге, это мой путь, я его выстроил, и я его люблю. Он не счастливее и не несчастнее, чем я предполагаю, в нем есть соответствие за- думанному.

Э.Л.: Это редко случается, особенно в искусстве.

К.Р.: Вообще редко. Я отношу себя к людям, себя реализующим. В нашей стране, кстати говоря, таких людей не любят. У нас любят спившихся гениев. И не любят удачливых. Хотя удачливым я себя не считаю. Просто много работаю. Я за все дорого плачу — в результате, на- верное, должен быть некий успех.

Э.Л.: Несомненно, он у вас есть.

К.Р.: Есть — в понимании других. У меня к себе свой счет. Не могу сказать: «Я доволен». Это было бы глупо. Есть ог- ромное количество задач, которые я ре- шаю и до конца не решаю. А с точки зрения других, я, наверное, чего-то добился. Я очень не люблю разговоров про везение. Так, например, говорят о Никите Серге- виче Михалкове. Что значит «повезло» при его таланте, его работоспособности! Он имеет то, что заслужил. И платит за это немалое количество. Другой просто не выдержал бы таких напряжений — снять, к примеру, тот же «Сибирский цирюль- ник». Надо было иметь талант, мужество, силы, мастерство, чтобы сделать такой фильм. Везет тому, кто этого заслужива- ет. Господь замечает того, кто ему на- встречу выпрыгивает.

Э.Л.: Вы говорите, что кино воспри- нимаете, в основном, как зритель. Что бы вы хотели сегодня видеть на экране?

К.Р.: Во-первых, я соскучился по на- шему отечественному кино, которого всегда очень и очень жду, хотя не все кар- тины успеваю посмотреть. И я убежден, что наше кино прорвется в новое мощное качество.

Э.Л.: Несмотря на то, что нынешняя ситуация вроде бы не очень располагает к оптимистическим прогнозам?

К.Р.: Да, ситуация сегодня плохая. А она хорошей никогда и не была.

Э.Л.: Отчего же? Вспомните наш зо- лотой фонд, накопленный в прошлом!

К.Р.: Как может быть хорошей для ис- кусства ситуация в тоталитарном государ- стве, в котором мы жили? Да, было у нас кино, вопреки этому строю. А сейчас мы расплачиваемся за обретенную свободу временной потерей качества. Временной. Погодите, все будет нормально, я уверен. А какие картины наши я хотел бы видеть сегодня? Эмоциональные. И окрыляющие.

Э.Л.: Дающие силу, веру?

К.Р.: Надежду.

Э.Л.: Чего не отыщешь в потоке со- временной чернухи и криминала.

К.Р.: Вот я и хочу видеть другое кино. И потому для меня «Сибирский цирюль- ник» — замечательная картина, которую я отношу к лучшим, мною виденным. Это мое мнение, но подтверждение ему я на- хожу, кстати, в обыкновенном зрительном зале. Я был занят, не смог пойти на пре- мьеру во Дворец съездов. Потом, спустя какое-то время, пришел посмотреть «Си- бирский цирюльник» в «Пушкинский», на рядовой дневной сеанс. Смеялся и рыдал

СК НЕКОТОРЫХ - 2002 - 31 мая - С. 10-11

вместе со всеми. А в конце фильма, тоже со всеми, встал и аплодировал. Вылетел после картины, как на крыльях. Снято мастерски, умело, талантливо. Все разговоры, что это-де конъюнктура, что через 5-10 лет фильм будет никому не интересен, бессмысленны. Это политические реплики людей малоодаренных, мосек, лающих на слона. Обвиняют Михалкова — снял на английском! Для меня это не имеет никакого значения. Главное — волнует фильм, талантливо сделанный, талантливо сыгранный. Стали говорить, что у Олега Меньшикова это не лучшая роль. Да лучшая! Замечательно он играет! И другие играют замечательно.

Никто у нас не может работать с таким умением держать зрителей в напряжении все три часа. Так, чтобы никто не отключился. У нас могут снимать скучное кино. Скучное. Вот это да! А большая часть критики просто терпеть не может, когда зрителям интересно. Я не говорю обо всех критиках до одного (естественно, разные они), а имею в виду некую критическую массу, обожающую тоску и скуку как обязательный атрибут чего-то настоящего. Скука — убийственное качество. Последняя книга Питера Брука называется «Дьявол — это скука». Он пишет в ней о театре. В кино то же самое, согласитесь. И еще... Как только снимут о России красиво, с любовью, тут же кто-то начинает называть это «клювкой». Какая чушь!

Э.Л.: *Согласна с вами в этой позиции. Но включите телевизор. Посмотрите, что предлагают режиссеры разных поколений, снявшие наши сериалы: мрак, грязь, пошлость.*

К.Р.: Чернуха хороша была во времена тоталитарного режима, застоя, когда всех заставляли говорить, что все хорошо. Тогда чернуха выглядела бунтом, противовесом золочению, лакировке, была понятна и уместна.

Э.Л.: *И этот селевый поток вырвался с перестройкой!*

К.Р.: Да, сегодня, когда реальной черноты страшно много вокруг нас, делать подобные фильмы... Не знаю... Кем-то было хорошо сказано: «искусство нужно, чтобы не умереть от правды». Понимаю это в том смысле, что искусство должно куда-то вести. Впрочем, искусство ничего не должно. Создание автора есть выражение его внутреннего мира. Кто-то видит жизнь в черном цвете? Пусть. Кто-то видит трагически. Кто-то — бесперспективно. Все имеет право на существование. Но мне близко другое: даже в самой страшной трагедии я ищу, жду иного.

Э.Л.: *Очищения?*

К.Р.: Очищения. Как эмоционального положительного результата. Уверю вас, в этом со мной совпадает большая часть зрителей. Они тоже хотят очищения. Предостаточно для них тех пудов грязи, которые каждый день тянут нас вниз. В любом случае, подавляющее большинство людей предпочтет то, что подымает их, возносит к свету, к желанию жить. Вот что сегодня, по-моему, по-настоящему востребовано.

Э.Л.: *Жаль, что немногие кинематографисты этой востребованности ныне соответствуют. А западное кино вы смотрите?*

К.Р.: Меньше, чем хотелось бы. Я смотрю много театральных спектаклей, на кино почти не остается времени.

Э.Л.: *В вашем кабинете у меня возник вопрос, может быть, не очень укладывающийся в русло нашей беседы. Тем не менее... На стене висит прекрасный портрет замечательного, талантливейшего актера Юрия Богатырева. Недавно, в марте, ему минуло бы 50 лет. Мне показалось, что эта дата была почти не замечена. Я немного знала Юру, и мне было больно потому, что память о нем так легко отдана прошлому. Знаю, что вы были очень дружны с ним...*

К.Р.: В день рождения Юры я выпускал спектакль и, признаюсь, не проследил за масштабами того, как отметили его 50-летие. У меня к нему не просто хорошее, а очень свое, родное отношение. Это был замечательный артист и один из лучших людей, с кем я когда-либо в жизни встречался. С ним у меня связано начало пути, он мой одноклассник, были общие работы. Юра был прелестный, светлый человек, подарок судьбы для тех, с кем общался. И так рано он ушел...

Э.Л.: *Константин Аркадьевич, чего вы ждете от выхода на экран «Неудачи Пуаро»? Волнуетесь? Аудитория у вас будет многомиллионная...*

К.Р.: Честно говоря, я уже видел фильм целиком, правда, еще в не окончательном варианте, но смонтированном. Мне картина понравилась. Вообще, я

могу смотреть на себя на экране, у меня нет рефлексии по этому поводу, как у некоторых актеров. И могу себя трезво оценить. Фильм представляется мне очень профессионально сделанным. Очень атмосферным, с хорошими актерскими работами. В нем есть, я бы сказал, какая-то «английскость». Нет ни в чем халтуры, скоропалительности, когда в группе решают: давайте-ка быстренько снимем «под Англию». Есть основательность, академизм, если хотите.

Э.Л.: *Так и должно быть, если экранизируешь всеми прочитанную, почитаемую и любимую Агату Кристи.*

К.Р.: Мне тоже так кажется. Но я, как-никак, внутри фильма. К тому же я изначально большой доброжелатель Сергея Урсуляка — и самого себя, в конце концов. Так что с волнением ожидаю премьеры «Неудачи Пуаро» на телеэкране. А дальнейшей своей кинематографической судьбы не знаю. Вопрос о моей занятости в кино монтируется с другим: не жаль ли мне тех денег, которые я упустил, не занимаясь концертной деятельностью, например. Это несравненно более прибыльно, чем работать в театре. Я занимался этим лет двадцать, именно это давало деньги на жизнь. В театре заработать на нормальную жизнь очень трудно или вообще невозможно. Если бы я решил стать, скажем, относительно богатым человеком, я бы плюнул на театр и только бы концертировал. Много лет у меня была возможность просто ткнуть пальцем в любую точку Советского Союза и отправиться туда, где меня всегда радостно, с аншлагами принимали. Это приносило неплохие деньги, и зарабатывать их я мог едва ли не круглосуточно.

В роли
Эркола Пуаро

Но я хочу заниматься своим делом — театром, самосовершенствованием в этом направлении. Хочу быть хорошим художественным руководителем: от меня зависит множество судеб. Я люблю своих артистов. Я люблю своих студентов.

Однажды я получил приглашение от компании Стивена Спилберга. У них есть такой офис-кастинг, шупальцы которого разбросаны по всему миру. Каким-то образом там вышли на меня. Позвонили почему-то нашей заведующей литературной частью и стали выяснять степень моей готовности приехать к ним.

Видимо, я был первым и последним в их практике артистом, который сразу сказал «нет». Как?... Сам Спилберг?... Назвали гонорар, повторили, решив, что я чего-то не понял, не услышал.

Э.Л.: *Вероятно, цифра была астрономической в сравнении с российскими гонорами?*

К.Р.: Да. Словом, я пришел по зову заведующей литературной частью после ее разговора с представителями этого офиса. Она сказала: «Костя, вам звонят от Спилберга, приглашают и называют гонорар».

Э.Л.: *И тут вы сказали свое невероятное «нет».*

К.Р.: Да, вот тут я и сказал «нет», отвечая на предложение венценосного Стивена Спилберга.

Э.Л.: *Оказывается, все же есть реальный прототип из знаменитого анекдота о русском артисте, которого приглашают на съемки в Голливуд, а он отвечает, что не может, так как занят на елках. Прошу прощения, так это вы?*

К.Р.: Я. У меня свои новогодние елки.

Э.Л.: *А вдруг Урсуляк опять позовет? Как тогда?*

К.Р.: Вот если Сережа позовет меня, думаю, мы договоримся...

Беседовала Эльга ЛЫНДИНА